

Д. В. Сичинава (Москва)

РУССКАЯ КОНСТРУКЦИЯ С *БЫЛО* И БЕЛОРУССКИЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО И РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСОВ¹.

В статье рассматривается на корпусном материале русская конструкция типа *пошёл было* в сопоставлении с белорусским плюсквамперфектом (форма типа *пайшоў быў*). Выявлены некоторые особенности менее изученной белорусской формы — прежде всего, формальные и семантические архаизмы по сравнению с русским *было*, а также особенности семантической сочетаемости. Особо рассмотрены условия появления той или иной формы, связанные с «вольностью» в переводе.

1. Введение. Грамматические исследования на параллельном корпусе

С 2011 года в ходе совместного проекта ИРЯ РАН (команда Национального корпуса русского языка) и Института языка и литературы (ныне в составе Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАНБ) разрабатываются параллельные белорусско-русский и русско-белорусский корпуса. Напомним, что параллельный корпус включает в себя оригинальные тексты и сопоставленные им (выровненные предложение в предложение) переводы этих текстов. Он имеет многообразные применения, в частности — исследовательские, когда ведётся конкретное сопоставление грамматических и лексических структур языков на материале текстов (см. подробное рассмотрение вопроса в [16]).

При сопоставительных (контрастивных) исследованиях на материале корпуса исследованию подвергается как весь массив текстов (оригинальных и переводных), так и конкретные соответствия между оригиналом и переводом. В частности, значение имеют *модели перевода* — то есть наиболее частотные способы перевода той или иной лексемы или конструкции оригинала — и *стимулы перевода*, то есть, напротив, те

¹ Статья написана при поддержке Программы Президиума РАН "Корпусная лингвистика" № 36-П и совместного гранта РГНФ-БРФФИ № 11-24-01004a/Bel.

выражения в оригинале, на основании которых переводчики избирают те или иные выражения в новом тексте.

Ранее мы проводили исследование на материале англо-русского и немецко-русского параллельного корпусов [11], где выделили ряд типичных стимулов, вызывающих в переводе русскую конструкцию с *было* (типа *пошёл было*). Оказывается, что она возникает, в частности, в случаях, когда в оригинале имеются ограничивающие небольшой промежуток времени обстоятельства вроде англ. *for a moment* или нем. *einen Augenblick lang* ‘на мгновение’, а также в соответствии с английским прогрессивом, английским и немецким плюсквамперфектом и рядом других глагольных времён. Эта информация позволяет существенно дополнить картину семантики русской конструкции с *было*, вырисовывающуюся на материале одного только одноязычного корпуса (например, Национального корпуса русского языка), а также и сведения о семантике соответствующих глагольных форм в германских языках.

2. Формальное соотношение конструкций

Если мы обратимся к исследованию этой же конструкции (*пошёл было*) в белорусско-русском и русско-белорусском параллельных корпусах (текущий объём — 1,6 млн словоупотреблений; дополнительно привлекались данные также из других источников), то увидим, что наша задача в чем-то упрощается, но одновременно в чем-то усложняется. Дело в том, что в белорусском языке (в отличие от западноевропейских) имеется конструкция, распределение которой весьма близко к русской конструкции с *было*. Это её непосредственное этимологическое соответствие, а именно плюсквамперфект, традиционно известный в грамматиках как «давнепрошедшее время» (даўномінулы час) или «сложная форма прошедшего времени» (складаная форма прошлага часу): *пайшоў быў*.

С формальной точки зрения белорусская конструкция заметно архаичнее русской по целому ряду параметров. Как и в древнерусском и украинском плюсквамперфекте, а также в северорусских говорах, в ней сохранено согласование вспомогательного глагола (в великорусских центральных диалектах оно утрачено в конце XVI в.). Форма эта хорошо известна по старобелорусским памятникам [5: 285—287], [1]. Правда, в белорусском, как и в украинском (частица *було*), в качестве варианта существует и несогласуемая частица *было*, однако она сравнительно редка: в корпусе встретилось только 6 примеров, из них 5 — в оригинальных

текстах, причём интересно, что только один передан в переводе русской конструкцией с *было*. И. Я. Лепешев считает конструкцию с несогласованным *было* ошибочной и возникшей под влиянием русского языка [7: 177—178], хотя его ссылка на то, что согласуемая форма «паслядоўна выкарыстоўваецца аўтарытэтнымі аўтарамі», не подтверждается корпусом — среди использующих оба варианта есть такие классики, как Владислав Короткевич и Василь Быков. В одном из случаев несогласованное *было* встретилось в корпусе в контексте причастия: *Загрэмелі замоўкшыя было партызанскія кулямёты, сціх на хвіліну нямецкі агонь* [Міхась Лынькоў. Міколка-паравоз (1936)]; подобное употребление (почему-то только для косвенных падежей) Лепешев признаёт нормативным, приводя пример из Янки Купалы. Три раза параллельный корпус в качестве соответствия для русского причастия с частицей *было* даёт более характерные для белорусского языка придаточные определительные со стандартной согласуемой конструкцией (*Валя задержала за рукав собравшегося было бежать Климку*. [Н. А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930-1934)] // *Валя затрымала за рукаў Клімку, які ўжо збіраўся быў бегчы* [Мікалай Астроўскі. Як гартавалася сталь (ч. 1). Пераклад Л. Ганкіна]). В русском языке частица *было* в составе нефинитных конструкций появляется только в 1820-е—1830-е годы (см. подробнее [10], [12]).

С точки зрения линейного порядка слов (препозиции или постпозиции вспомогательного элемента) белорусская конструкция также архаичнее, хотя и не столь радикально. Как известно, в древности элемент *был-* в составе плюсквамперфекта соблюдал закон Вакернагеля и в соответствующих условиях уходил в препозицию [4]. В белорусских текстах препозиция встретилась в 25% примеров (в точности как в русском языке XVIII века, [12]), что несколько выше показателей препозиции в разных фрагментах одноязычного НКРЯ (от 17% до 24%), причём в 3 примерах белорусской препозиции соответствует русская постпозиция, а еще в 6 случаях в соответствующем русском тексте конструкция с *было* отсутствует:

Корзун быў памкнуўся на дапамогу, але Савацееў утрымаў яго і шапнуў: — Глядзі!. [Уладзімір Шыцік. Скачок у нішто (1967)] // Корзун рвануўся было на помощь, но Саватеев удержал его и шепнул: — Смотри!. [Владимир Шитик. Скачок в ничто. Перевод Б. Мескина и В. Шитика]

3. Семантическая сочетаемость

Семантически эти конструкции в целом довольно близки – особенно по сравнению со степенью формальных различий. Как и русская форма с *было*, белорусский плюсквамперфект преимущественно употребляется в контекстах нарушения нормального хода ситуации (применительно к русскому языку см., прежде всего работы А. Барентсена и Ю. П. Князева [15], [6]). Толкование, близкое к тому, какое обычно предлагается для русской частицы *было*, даёт И. Я. Лепешевым [7: 177—178]: «дзеянне, якое пачалося ці магло пачацца, але перапынілася іншым дзеяннем». Правда, многие традиционные описания (как и для большинства славянских плюсквамперфектов) дают здесь привычные ярлыки «давнопрошедшее действие» и «предшествование в прошедшем» (что отражает традицию описания западноевропейских языков с таксисом). Ср.: «для перадачы даўномінулага часу дзеяння, якое паперэднічала іншаму завершанаму дзеянню» [14: 144]; аналогичную альтернативу своему толкованию предлагает и Лепешев. Обращение к корпусу показывает, однако, существенно большую близость белорусской конструкции к русской — в большинстве случаев она просто переводится при помощи другой, и это делает картину (но только на первый взгляд) гораздо более простой, чем в случае перевода с немецкого или английского. Сложности же заключаются в том, что отклонения от такого прямолинейного сценария, о которых речь уже шла, всё же встречаются не менее чем в трети случаев и достаточно разнообразны по своим причинам — они зависят как от реальных различий сочетаемости конструкций общего происхождения в близкородственных языках, так и от стратегий конкретных текстов, авторов и переводчиков. В русском языке употребительность данной конструкции сильно варьирует в зависимости от автора (по данным первопроходческой работы А. Барентсена [15]); то же верно, насколько можно судить, и применительно к белорусским писателям, а также к переводчикам с одного языка на другой.

В работе [10] мы рассмотрели лексико-семантическую сочетаемость русской конструкции с *было* на материале текстов одноязычного основного подкорпуса в составе Национального корпуса русского языка после 1950 г. Объём этих текстов многократно превосходит русские тексты в составе параллельных корпусов. Были получены данные о том, в каком проценте случаев конструкция с *было* сочетается с тем или иным характерным для неё семантическим классом глаголов, а именно: глаголами желания (типа *хотеть*, *вознамериться*), глаголами начала действия или инициирования ситуации (типа *начать*, *взлететь*,

обратиться [с речью], *раскрыть рот*), глаголами достижения состояния (типа *построить*, *умереть*), глаголами попытки (*пытаться*, *постараться*) и глаголами ментальной деятельности или эмоций (*решить*, *обрадоваться*). Исследовались также некоторые другие классы, отчасти пересекающиеся с данными, на которых мы в этой статье не останавливаемся.

Рассмотрим отдельно лексико-семантическую сочетаемость конструкции с *было* в оригинальных русских текстах, включённых в параллельный корпус, и в русских текстах, переведённых с белорусского. Затем проведём аналогичные подсчёты для плюсквамперфекта (включая редкую конструкцию с несогласованным *было*) для белорусских текстов — оригинальных и переводных. В отдельной колонке приведём цифры по большому одноязычному русскому корпусу из [10]:

Тип глаголов	НКРЯ	рус. ориг.	рус. перев.	бел. ориг.	бел. перев.
Желания	23%	24,3%	32,3%	17,2%	32,1%
Начала действия / инициирования ситуации	43%	48,6%	32,3%	41,4%	28,6%
Ментальной деятельности или эмоций	10%	13,5%	4,8%	8,6%	17,9%
Попытки	8%	8,1%	16,1%	5,0%	7,1%
Достижения результирующего состояния	14%	5,4%	17,7%	24%	14,3%

Вероятно, данные этой таблицы удастся сделать более надёжными по мере увеличения объёма корпусов, но общие тенденции заметны и в наличном материале. Прежде всего, показатели русских оригинальных текстов, включённых в параллельные корпуса НКРЯ, несмотря на сравнительно малый объём, за одним исключением весьма близки к вычисленным на большом корпусе. Единственный пункт, в котором эта репрезентативность нарушается — глаголы результирующего состояния; их процент в попавших в параллельный корпус текстах сильно занижен. Причины этого не вполне ясны (возможно, это связано с индивидуальной

манерой авторов). На этом фоне рельефнее выступает одно отличие белорусской конструкции от русской, которое, впрочем, было бы хорошо заметно и при русских данных, более близких к данным большого НКРЯ. Пока у нас нет большого репрезентативного корпуса белорусского языка (одноязычный корпус, доступный онлайн — Corpus Albaruthenicum В. А. Кощенко — составлен на материале научных текстов, для которого интересующая нас конструкция не характерна), сложно судить, насколько цифры, полученные для белорусских оригинальных текстов, отражают сочетаемость конструкции в языке в целом; однако данные этих текстов, связанные с глаголами результирующего состояния, судя по другим цифрам, достаточно надёжны. Процент этих глаголов в составе нашей конструкции очень высок (почти 24%) не только в оригинальных, но и в переводных белорусских текстах, хотя в последних он предсказуемо снижается под влиянием интерференции со стороны русского. Отметим тот факт, что среди привнесённых переводчиком на русский язык (а не продиктованных оригиналом) конструкций с *было* глаголов достижения состояния не встретилось вовсе.

Эти данные указывают на бóльшую семантическую (а не только формальную) архаичность белорусской конструкции по сравнению с русской. Действительно, широкая сочетаемость с глаголами достижения состояния была обычна в древнерусском, а в XVIII в. еще были распространены контексты чистой ликвидации результата типа *построил было, но разрушил*. Глаголы достижения состояния занимали в русском языке XVIII в. 30% от лексического наполнения данной конструкции [12]. Распределение семантических классов в белорусской конструкции несколько напоминает русский язык XVIII в. и в других отношениях, например, пониженная частотность глаголов волеизъявления (в русском языке XVIII в. — 16%) и глаголов попытки (2%). Сравни следующий пример, где в русский перевод добавлен глагол попытки (вместо *я было отказался); подробнее о такой стратегии перевода см. в разделе 4:

Падышоў Антоць з пірагамі. Я быў адмовіўся. [Уладзімір Караткевіч. Дзікае паляванне караля Стаха (1964)]

Подошел Антоць с пирогами. Я было попытался отказаться. [Владимир Короткевич. Дикая охота короля Стаха. Перевод В. Щединой]

В остальном по своей грамматической сочетаемости белорусская конструкция похожа на современную русскую; распределение прочих

показателей (особенно глаголов начала деятельности и инициирования ситуации), в общем, близко к данным НКРЯ. Другие отличия, в частности, значения, не выражаемые русской конструкцией, можно выделить только при анализе конкретных примеров. И здесь заметно, что эти отклонения во многом связаны с языком конкретных авторов; вероятно, при расширении корпуса процент таких случаев может измениться и в ту, и в другую сторону, но сейчас нам важно само наличие случаев, не характерных для русского языка (по крайней мере, современного литературного). Начнём с примера, содержащего редкое несогласованное *было*: *Баец падняўся на ногі і, спатыкаючыся, пабрыў было да прыступак*. [Васіль Быкаў. Адна ноч (1961)], в переводе просто *побрёл к ступенькам*; своей цели боец достигает (находит автомат), и никакого нарушения хода этой ситуации не происходит. Возможно, выбор конструкции связан с неуверенностью начала действия, или, что вероятнее, с более широкой «макроситуацией» по Ю. П. Князеву [6] — заваленный в помещении, герой долгое время не может из него выбраться. Четыре плюсквамперфекта, отличные от русского «стандарта», встречаются в произведениях Янки Брыля. Все эти примеры задействуют различные глаголы достижения состояния; как мы помним, именно этот класс глаголов отражает наиболее заметное различие между сочетаемостью русской и белорусских конструкций. При этом, как ни парадоксально, все четыре брылевских примера всё же переведены на русский при помощи частицы *было*, что, на наш взгляд, отражает интерференцию в языке переводчиков под влиянием белорусского. Приведём два из этих примеров:

Праўда, сыры аднойчы былі не ўдаліся, і, каб зацерці сляды, рагатун Рыўка з яшчэ адным такім майстрам, не з нашай вёскі, уз'ехалі з цяжкім возам на стары склеп, і ён праваліўся. [Янка Брыль. Ніжнія Байдуны (1974-1975)] // Правда, сыры однажды было не удались, и, чтобы затереть следы, хохотун Ривка еще с одним таким мастером, не из нашей деревни, въехали с груженым возом на старый погреб, и он провалился [Янка Брыль. Нижние Байдуны. Перевод Д. Ковалёва]

Перад ваенным пажарам ён пагарэў быў яшчэ чысцей, нават і пагрэбніка тады не засталася. [Янка Брыль. Глядзіце на траву (1966)] // До этого пожара он погорел было еще почище, даже и погреба тогда не осталось. [Янка Брыль. Глядите на траву. Перевод А. Г. Островского]

В первом случае конструкция имеет экспериенциальное значение ('однажды было так, что'). В русских говорах и литературном языке XVIII

века ряд таких примеров отмечен, что отражает сближение между частицами *было* и *бывало*. С этой точки зрения белорусские примеры интересны тем, что в них не утрачивается согласование вспомогательного элемента плюсквамперфекта (при том, что частица *бывала* тоже существует). Белорусские конструкции с *было* и *бывала* сближает и относит к «давнопрошедшему» Е. Ф. Карский [5: 376] Во втором случае речь идёт об аннулированном результате в чистом виде, причем даже дважды аннулированном: погоревший дом был отстроен (а потом, как видим, снова погорел). Соответствие для этого примера опять же находится в русском языке XVIII века: *Пожирающий пламень истребил было красоту сего священнаго здания: но промысл Божий неисповедимый, по временам нас наказывающий, се лучшим украшением избильнейше утешил нас* [архиепископ Платон (Левшин). Слово при освящении храма (1779)].

Нехарактерное для русского литературного языка употребление этой конструкции в условной контрфактической конструкции вместе с сослагательным наклонением (показатель наклонения в составе союза *каб*) видим в «Мужицкой правде» Калиновского: *Для таго то і набілі Маскалі Касцюшку, бо каб мужыкі ўсе разам былі збунтаваліся і ўхапілі за сякеры, нажы і косы, так бы Маскаль мусіў бы прапасці без паўстаня, і мы на век вякоў ужэ былі бы вольныя.* [Канстанцін Каліноўскі. Мужыцкая праўда. № 2 (1862)] // *Оттого-то и побили москали Костюшку, потому что если бы мужики все вместе взбунтовались и взялись за топоры, ножи и косы, то москаль должен был бы пропасть бесповоротно, и мы на веки веков были бы свободными.* [Константин Калиновский. Мужичья правда. № 2. По переводу издания 1990 г.]. Такое употребление плюсквамперфекта сослагательного наклонения может быть как продиктовано польским влиянием (ср. аналогичный старобелорусский пример с параллельным польским текстом в [5: 287]), так и отражать диалектные особенности (диалект Калиновского, как и использующего иные нестандартные значения Брыля — гродненский). Употребление *было* в функции *бы* известно в русском языке XVIII в. и несколько раз встретилось также в русском корпусе разговорной речи. Есть основания считать, что оно не чуждо и русской речи Беларуси, во всяком случае *было* парадоксальным образом (если это не опечатка) возникает в переводе на месте тривиального условного наклонения оригинала: *І мне хацелася нешта сачыніць. Гэтае нешта пачыналася б словамі: <...>* [Вітаўт Чаропка. На кругі свая (1988)] // *Хотелось что-то сочинить. Это что-то начиналось*

было словами <...> [Витовт Чаропка. На круги своя. Перевод Т. Зарицкой]².

Что касается переводных текстов — как русских, так и белорусских — то параметры исследуемой конструкции в них вообще достаточно сильно отходят от характерных для оригинальных текстов. Данное явление надо связывать с интерференцией и влиянием переводимого текста (а для переводчиков-белорусов, переводящих на русский язык — возможно, и с региональным варьированием русской нормы под влиянием белорусского). Но это не единственная причина наблюдаемых соотношений. Если показатели языка перевода «тянутся» к показателям языка оригинала (достигая некоторых промежуточных значений), такое объяснение естественно, однако в случаях, когда некоторые семантические классы употребляются гораздо чаще, чем даже в языке оригинала, можно искать истоки такого изменения в семантике конструкции. Например, и «переводной русский», и «переводной белорусский» дают резко увеличенные (примерно до того же значения) показатели для глаголов желания. Именно на глаголы желания приходится 60% «вольных» (привнесённых переводчиком) конструкций с *было* в переводах на русский язык. Для русского языка сильно повышена частотность глаголов попытки, для белорусского — глаголов ментальной деятельности или эмоций. Вероятно, в ряде случаев обсуждаемая конструкция привносится в перевод с целью усилить и яснее передать семантику неосуществлённого желания или неудачной попытки, передаваемую в оригинале только глаголом в прошедшем времени; другие семантические группы такого дополнительного усиления не требуют. Это может свидетельствовать о тенденции к модализации семантики нашей конструкции (точка зрения, высказывавшаяся, начиная с А. А. Шахматова, целым рядом учёных, см. подробнее об этой концепции [15]).

Азірнуцца захацелася яму, ён ужо і намерыўся, але не мог. [Міхась Стральцоў. Смаленне вепрука (1973)] // Оглянутыся захотелось ему, он уже и намерился было, но не смог. [Михась Стрельцов. Смаление вепря. Перевод В. Тараса]

² У Е. Ф. Карского отмечено, по-видимому, еще одно архаичное значение плюсквамперфекта в белорусских говорах — «сдвига начальной точки» [9], или обозначение первого действия в нарративе, отнесённом к неактуальному прошедшему (помимо застывшей формулы *жыла-была*, это такая начальная фраза рассказа, как *раз, у нядзелю, была яна пасціла свінні на полі* [5: 376; Сенно на Витебщине]. Такое употребление представляет большой интерес (известное по берестяным грамотам и тому же русскому *жили-были*, в современных северных говорах оно, судя по всему, сохранилось; см., в частности, [8: 790], [3: 205—206])

В голосе ее уже не было насмешки, было в нем что-то дружеское, примиряющее, и Павка, собравшийся нагубить этой невесть откуда взявшейся «барышне», был обезоружен. [Н. А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930-1934)] // У голасе яе ўжо не было насмешкі, было ў ім нешта сяброўскае, супакойваючае, і Паўка, які ўжо збіраўся быў нагубіянціць гэтай «паненцы», што ўзялася нямаведама адкуль, быў абязброены. [Мікалай Астроўскі. Як гартавалася сталь (ч. 1). Пераклад Л. Ганкіна]

4. Точность и вольность в передаче грамматической конструкции

Перевод советского времени с русского языка на языки народов СССР и в обратном направлении (а именно переводы этой эпохи лежат в основе нынешнего состава корпуса) отмечен высокой степенью вольности на разных уровнях, и при составлении и анализе параллельного корпуса это постоянно приходится учитывать. Причины этого разнообразны — общая установка ряда переводчиков, роль автора, участвующего в творческом пересоздании «авторизованного» текста, а нередко и цензурные причины.

Разумеется, за внешней «вольностью» могут стоять тонкие семантические различия, и особенно это касается грамматики. Если применить к грамматике предложенные М. Л. Гаспаровым для лексики стихотворного перевода понятия «коэффициент точности» и «коэффициент вольности» [2], то на основании параллельного корпуса можно получить следующие данные. При переводе с русского на белорусский русская конструкция *было* «сохранена» (переведена белорусским плюсквамперфектом) в 60% случаев (коэффициент точности), а белорусский плюсквамперфект привнесён переводчиком в 21% случаев (коэффициент вольности). При переводе с белорусского на русский заметно выше оба показателя — коэффициент точности 70%, вольности 36%³. Это значит, что переводчики на белорусский язык используют плюсквамперфект вообще сдержаннее, будь то в соответствии с русским *было* или нет, чем переводчики на русский — русское *было*.

Представляется, что наблюдаемая картина зависит от того, что нормативный статус белорусского (как и украинского) плюсквамперфекта

³ Клаузы (простые предложения), в переводе опущенные или вставленные, из подсчётов вовсе исключены.

в советское время не был признан⁴, в результате чего переводчик, разумеется, чувствовал себя сильнее стеснённым в использовании этой формы, чем писатель, создающий оригинальный текст. Возможно, имеет смысл также апеллировать к обусловленной какими-то внутренними причинами ограниченной продуктивности и/или большей факультативности белорусской формы. Не исключено, пока корпус сравнительно невелик, что это результат индивидуальной практики немногих конкретных переводчиков, особенно заметной для значительных по объёму текстов. Так, Алесь Жук (известный также как оригинальный писатель), переведший на белорусский язык «Мастера и Маргариту» М. А. Булгакова, только один раз передал плюсквамперфектом русскую конструкцию с *было*, использованную в оригинале 11 раз; во всех остальных случаях *было* переводчиком последовательно опускается, иногда заменяясь на различные субституты; явно за такой стратегией стоит осознанная позиция. Для решения этой проблемы нужны дополнительные исследования.

Для анализа семантики конструкции представляют определённый интерес модели перевода, замещающие нашу конструкцию или стимулы, вызывающие привнесение конструкции в переводе. Как и в случае с английским и немецким языками (см. [11] и начало данной статьи), стимулы эти могут быть информативны для изучения семантики конструкций. Например, русская конструкция с *было* в белорусском передаётся сочетанием прошедшего времени и наречиями ограниченной продолжительности (*крыху, толькі*), начала действия (*спачатку*), а также наречия *ужо*. Это вполне соответствует выявленным ранее переводным стимулам для *было* в английских и немецких текстах. В соответствии с белорусским плюсквамперфектом в русском появляется несколько иной набор моделей-замен: *уже, -таки, даже*, — но, к сожалению, для статистической оценки тут данных пока недостаточно.

Исследование грамматических значений и конструкций на материале параллельных корпусов — уже давно хорошо зарекомендовавшее себя направление, активно применяемое в славистике. Нет сомнений, что еще

⁴ Подробнее см. [7: 178]. В академических пособиях и грамматиках 1950—1980-х годов плюсквамперфект, если упоминался вообще, расценивался как «отклонение от литературной нормы», «особенность разговорного стиля» и т. п.; исключением является ТСБМ [13], дающий эту конструкцию без ограничительных помет. У истоков такого подхода стоял, по-видимому, Е. Ф. Карский, занимавший даже более радикальную позицию: «давнопрошедшее время... в современном белорусском языке совершенно утрачено, лишь в редких случаях находим его отражения» [5: 376], «в живой белорусской речи... встречается очень редко и как особая форма прошедшего не ощущается» [5: 286—287].

предстоит сделать много работы по корпусному изучению белорусского и украинского языков, которые вообще в мире корпусной лингвистики (особенно на фоне других славянских) пока представлены недостаточно.

Литература

- [1] Анічэнка, У. В. Формы плюсквамперфекта ў беларускай пісьменнасці XV-XVI ст.ст. // Ученые записки Мозырского педагогического института, вып. 1, 1957
- [2] Гаспаров, М. Л. Подстрочник и мера точности // Гаспаров М. Л. О русской поэзии. Анализы. Интерпретации. Характеристики. М., 2001. С. 361—372
- [3] Громова, М. М. Функционирование форм плюсквамперфекта в говорах средней Пёзы (Архангельская область) // Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой. М., 2010. С. 200—207.
- [4] Зализняк, А. А. Древнерусские энклитики. М., 2008
- [5] Карский, Е. Ф. Белорусы: Язык белорусского народа. Выпуски 2—3. М., 1956.
- [6] Князев, Ю. П. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Артюновой. М., 2004. С. 296—304
- [7] Лепешаў, І. Я. Сучасная беларуская літаратурная мова: Спрэчныя пытанні. Гродна, 2002.
- [8] Пожарицкая, С. К. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves* LXIII/4, 1991. Pp. 787—799.
- [9] Сичинава, Д. В. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2004, С. 241—274.
- [10] Сичинава, Д. В. Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с *было* по корпусным данным // К. Л. Киселёва и др. (ред.) Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 362—396.
- [11] Сичинава, Д. В. Комплексное исследование одноязычного и параллельного корпусов в грамматических исследованиях // Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика—2011», СПб., СПбГУ, 2011, С. 316—332
- [12] Сичинава, Д. В. Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // Русский язык в научном освещении, 2012, № 2.
- [13] Глуначальны слоўнік беларускай мовы: Т. 1. Мінск, 1977.

[14] Шкраба, І. Р. Сучасная беларуская мова: марфалогія. Мінск, 2007.

[15] Barentsen, A. A. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // Dutch Studies in Russian Linguistics, Amsterdam. Vol. 8 (1986), Pp. 1–68

[16] Cysouw, M. & Wälchli, B. 2007. Parallel texts: using translational equivalents in linguistic typology // Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF) 2007, 60.2. Pp. 95—99.